

ноявбар 2001.

Mihai N. Radan, **Graiurile caraşovene azi. Fonetica și fonologia.** Timișoara: Uniunea Sârbilor din România, 200. 328 p.

Михай Н. Радан, **Карашевские говоры сегодня. Фонетика и фонология.** Тимишоара: Союз сербов Румынии, 2000, 328 с.

1.

Рецензируемая работа представляет собой монографическое диалектологическое описание фонетики и фонологии карашевских говоров (*graiurile caraşovene*, далее сокращенно GC), один из которых, а именно говор самого Карашево, является родным для автора.

Значение работы Михая Радана выходит далеко за пределы южнославянской диалектологии. Чтобы кратко охарактеризовать важность рецензируемой книги в общевалканистическом контексте, воспользуемся удачной формулировкой Кристи Цах, данной еще в 1972 году: для изучения истории населения современного Баната «особенно интересна группа карашевцев — странный реликт Балкан — в котором в единое новое этническое меньшинство объединились сербы, македонцы, болгары и валахи вместе с абланцами» [Zach 1979: 72]. В общеславистическом аспекте работа М. Радана приобретает особое звучание в связи с развивающимся в последние годы интересом к периферийным группам и диалектам древнего славянства, таким, например, как древненовгородский диалект на севернославянской территории. Поскольку за пределами Румынии рецензируемая книга будет доступна только очень узкому кругу лиц, владеющих румынским языком, среди которых специалисты по славянской диалектологии и истории языка могут встретиться лишь в качестве исключения, мне представляется настоятельно необходимым достаточно подробно ознакомить с этой работой как можно более широкий круг ее потенциальных читателей.

В предисловии к книге (с. 5–13) подчеркивается, что предыдущие исследования в большинстве случаев обращались именно к говору самого Карашево, в то время как говоры других входящих в карашевский регион сел обследовались менее интенсивно; при этом обычно полагалось внутреннее диалектное единство говора всей карашевской области в целом. Первоначально исходя из этого традиционного представления, автор в ходе работы обратил внимание на наличие диалектной микродифференциации между говорами шести сел в этой этнографической области (Карашево, Клокотич, Лупак, Нермет, Рафник и Водник), в результате чего предложил терминологическую новацию — вместо «карашевский говор» использовать обозначение «карашевские говоры», что должно подчеркнуть относительность их лингвистического единства.

Специфической является языковая ситуация в селе Ябалча, население которого относится к этнической группе карашевцев по вероисповеданию, одежде и обычаям, но использует в повседневной коммуникации румынский говор. В контактах с другими карашевцами пожилые жители этого села используют говор, близкий к говору самого Карашево; также и этот вариант был предметом исследования в монографии, в частности, для демонстрации румынского влияния на карашевские говоры.

Желая избежать повторения сведений, изложенных в известной монографии о говоре Карашево, изданной выдающимся румынским славистом Эмилем Петровичем еще в 1935 г., но стремясь представить существенные фонетические и фонологические (а в будущем и лексические) особенности всех карашевских говоров, автор полагает, что «эти фонетические и лексические особенности, которые часто различаются от одного места к другому, как и сохраненные архаизмы, будучи подвергнутыми фундаментальному анализу, могут внести существенный вклад в освещение некоторых еще неясных аспектов касательно происхождения карашевских говоров» (с. 6).

Автор стремится к единству синхронического и диахронического описания, полагая их разделение контрпродуктивным.

Основной материал, представленный в монографии, получен в ходе личных наблюдений и полевых исследований автора в период с 1979 по 1998 г. Сопоставление этого материала со сведениями Э. Петровича и „Новой серии“ Румынского лингвистического атласа, а также с более поздними наблюдениями других авторов, позволило М. Радану проследить эволюцию карашевских говоров на протяжении последних 60 лет. Методики сбора материала и отбора информантов, подробно описанные автором на стр. 7–9, гарантируют аутентичность

и высокую репрезентативность представленных в монографии сведений. Большую ценность для изучения карашевской антропонимии имеют списки информантов, имена которых даны в фонетической транскрипции так, как они произносятся самими карашевцами (с. 11–12).

С целью проверки выдвигавшегося в болгарской науке (в относительно недавнее время, например, М. Сл. Младеновым [Младенов 1993]) тезиса о болгарском происхождении карашевцев М. Радан предпринял также краткую диалектологическую экспедицию в северо-западную Болгарию (мотивируя это тем, что, с одной стороны, нельзя исключать наличия в прошлом контакта между этими говорами и карашевскими, а с другой стороны, тем, что исторические источники свидетельствуют о имевшей место в прошлом миграции славянского населения из этой части Болгарии в Банат и, в частности, в карашевскую область). Поскольку в науке подчеркивалась связь между карашевскими говорами и говором Ново Село в районе Видина, автор предпринял в этом пункте диалектологическое анкетирование. Отмечу мимоходом любопытное свидетельство автора о наличии у жителей этого католического села сознания об их сербском происхождении: так, на утверждение о том, что говор в Ново Село болгарский, „informatorul nostru a reacționat prompt, spunând că graiul lor nu este bulgăresc, ci sârbesc și că ei au venit aici din Serbia» (с. 10, сноска 4; о происхождении новоселского говора см. [Соболев 1995]). В результате анкетирования были установлены некоторые сходства между карашевскими и новоселскими говорами, которым автор не склонен придавать большого значения (надеюсь, что этот вопрос будет подробнее освещен в какой-либо из дальнейших публикаций М. Радана).

На стр. 13 предисловия дана карта карашевской области.

2.

Введение представляет собой подробное описание географического положения карашевских сел и исчерпывающую характеристику их населения (с. 14–63). В семи селах, расположенных в румынском югозападном Банате (*kar'aševo*, *klok'otič*, *j'abalč'e*, *l'upak*, *n'ermit'*, *r'avnik*, *v'odnik*), в 1992 г. был 6771 житель (обзор статистики с 1831 г. позволяет констатировать медленное, но постоянное убывание населения в этой области). Дана характеристика традиционной и современной экономической деятельности карашевцев (с. 15–16).

На с. 17–22 приводятся сведения о наличии в прошлом карашевского этнического элемента в других населенных пунктах румынско-

го и югославского Баната вне зоны их компактного расселения (Догнеча, Слатина, Тимиш, Липова и др.). Знакомство со сведениями о карашевцах в югославском Банате, собранными Й. Эрделяновичем в 20-е гг., заставило М. Радана провести дополнительное анкетирование в селах Ульма и Избиште в районе Выршца, а результате которого было установлено, что, например, в селе Ульма до 40% жителей либо являются карашевцами, либо имеют карашевское происхождение. Однако «начало перехода в православие означало также начало утраты их идентитета. Сегодня в Ульме лишь лица старше 60 лет являются католиками, в то время как их дети и внуки православные» (с. 19). На с. 20 автор подчеркивает устойчивость карашевского субэтнического самосознания (и соответствующих обозначений *kar'aševak*, *kar'aševski*) вне зависимости от проживания индивидуума в семи собственно карашевских селах или вне их. Карашевский говор (*karaševski jezik*) в югославском Банате утрачен, если не считать небольшого числа слов и выражений, еще припоминаемых информантами (а также элементов ономастикона); ношение народной одежды не практикуется с первых десятилетий 20-го века; из обычаев заслуживает упоминания слава (*sl'ava*, *sl'aveñe*), отмечавшаяся до 1944 г. в части семей по католическому, а в части два раза — и по католическому, и по православному календарю. На основании обнаруженных им документов римокатолического прихода в г. Выршац М. Радан полагает, что карашевцы появились в этом регионе в начале 19-го века.

Особый интерес представляет раздел введения, озаглавленный «Происхождение карашевцев — между историей и легендой» (с. 22–43). На изломе 10-го и 11-го веков Банат оказывается под властью венгерской короны; во второй половине 12-го века среди других банатских комитатов упомянут и карашевский. Согласно мнению ряда авторов, первое упоминание *Castrum Crassou* датируется 1230 г.; затем укрепление присутствует в документах до 1595 г. Карашево было важным административным, политическим и религиозным центром (достаточно упомянуть присутствие в нем болгарских, боснийских и далматинских монахов-францисканцев, осуществлявших религиозное управление с 14-го в. по 1785 г., с перерывом в 1721–1740 гг., когда францисканцы были изгнаны иезуитами; именно отсюда организовывалось католическое миссионирование Баната в 17 в.).

Большим достоинством книги М. Радана является то, что автор и в этом случае не удовлетворяется изложением имеющихся в литературе данных, но старается провести собственное исследование на новом богатом краеведческом и лингвистическом материале. Так,

использование сведений о карашевской микротопонимии позволило ему впервые идентифицировать упомянутые в списке населенных пунктов Баната (т. наз. Conscripto Districtum, ок. 1690–1700 гг.) села *Podkars* и *Kurjacsicza* как современные кварталы Карашево *potk'ŕše* и *k'urjač'ica* (всего в Карашево в настоящее время 5 кварталов) и сделать вывод о формировании современного Карашево из двух первоначально различных населенных пунктов, разделенных рекой Караш (с. 26). Автор приводит и сведения устной традиции, бытующей в Карашево, о первоначальном местонахождении этого населенного пункта либо в местности *sel'ište*, либо *most'ište*. Карашевцы в семи упомянутых населенных пунктах румынского Баната «представляют сегодня компактную этническую группу, имеющую ряд черт, которые их индивидуализируют относительно их сонародников — банатских сербов, а также относительно других этносов. Этими чертами являются: архаичный говор, специфическая народная одежда, ряд старых народных обычаев и традиций (принесенных с первоначальной родины и еще хорошо сохранившихся), различные другие специфические элементы менталитета, фольклора и т.д. Очевидно, что можно найти достаточно общих элементов, присутствующих в языке, одежде, традициях, фольклоре, общих с современными балканскими народами, — факт, который заставил некоторых исследователей считать их болгарами, румынами, чехами, хорватами, прямыми потомками дакийских славян или славяно-румынской смесью с албанским компонентом. К этому всему добавляется принадлежность к римокатолической конфессии — особенно важный психологический момент, который сыграл большую роль в консервации этой этнической группы» (с. 28).

М. Радан подтверждает неоднократно подчеркивавшееся в научной литературе стремление многих карашевцев (на 1992 г. — 2697 человек во всех семи населенных пунктах) к самоидентификации не в качестве представителя какой-либо из балканских наций, а в качестве особого народа *kar'aševci* со своим *kar'aševski j'ezik* (в официальную румынскую статистику первое обозначение было допущено лишь в 1990 г.). В то же время, католическое вероисповедание позволяет части карашевцев (3270 чел.) идентифицировать себя с хорватами (что дает индивидууму такое личное преимущество, как паспорт гражданина Хорватии, позволяющий перемещаться по странам Западной Европы без визы (с. 30, сноска 2), в то время как очень небольшое число их (171 чел.; к ним принадлежит и автор монографии) самоопределяется как сербы (см. с. 28–31, со статистической таблицей); лишь эти две возможности самоопределения были

открыты для карашевцев, например, при переписи населения Румынии 1977 г. (таблица на стр. 32).

Автор приводит локальные самоназвания жителей каждого из карашевских сел, а также названия для карашевцев, бытующие у румын (заслуживают внимания употребляемые банатскими румынами обозначения *cotcoreji*, *cocoși*, которые применяются и к сербам из Свиницы), а также у венгров, немцев и южных славян (с. 29).

Рассмотрение сложнейшего вопроса о карашевской прародине и этногенезе, о которых в науке имеются совершенно противоположные мнения, автор начинает с представления устной традиции, бытующей в самой этой области (с. 32–35), несмотря на немногочисленность, бедность информацией, обобщенность и неясность высказываний информантов по этому поводу (ср. еще у Э. Петровича: *š'esto g'odine ot k'ad je kar'aševo nas'el'eno*). Согласно этим сведениям, предки карашевцев переселились из областей к югу от Дуная, откуда-то из Старой Сербии или даже из Боснии в 14 или 15 веке.

Неясны также обстоятельства и время принятия карашевцами католического вероисповедания. На с. 35–43 автор пытается «ответить на вопрос, были ли предки карашевцев первоначально католиками или православными, исходя из предположения, согласно которому сегодняшние карашевцы являются потомками первых южных славян, поселившихся в Банате во 6–7 веках (это мнение высказывалось ранее, как отмечает сам автор на с. 49 И. Поповичем — А. С.), которые позже смешались с различными иммигрантами, прибывшими из областей к югу от Дуная в 14–18 веках» (с. 35). Рассмотрение церковной истории Баната приводит его к, по моему мнению, достаточно спорному выводу о том, что «до 13 века славянское население бассейна Караша было, по всей вероятности, православным» (важное доказательство этого тезиса автор видит в сохранении у карашевцев праздника домашней славы (*sl'aveñe*) и двух обычаев на Юрьев день (*otk'ukañe*, *sm'erlañe*); конвертацию в католицизм автор полагает в 13–14 веках; представители новых волн миграций в 14–15 веках были в большинстве католиками, но нельзя исключать и наличие среди них православных (с. 42). Наконец, наличие большого числа «схизматиков» среди карашевского населения вызвало усиленную миссионерскую деятельность францисканцев в 17 в. и окончательное закрепление католицизма в области (с. 43).

Достаточно подробно автор рассматривает предшествующую научную литературу о языке, истории, фольклоре и обычаях карашевцев (с. 43–63), начиная с характеристики особого значения румынской славистики для мировой науки в целом (как науки с особым

интересом к славяно-романским языковым контактам и к славянским говорам в Румынии). Для русского читателя небезынтересно будет узнать, что первые научные сведения о карашевском говоре дал именно русский ученый румынского происхождения П. А. Сырку еще в 1899 г. В 1903 г. исследование о языке и происхождении карашевцев опубликовал болгарский славист Л. Милетич, установивший связь между карашевским и косовско-ресавскими сербскими говорами (с. 51). Однако лишь с появлением блестящей монографии Э. Петровича в 1935 г. славистика получила фундаментальное описание этого говора (с подтверждением его генетических связей с косовско-ресавскими говорами и с особым вниманием к его архаичным чертам, в частности, к сохранению фонологически самостоятельного рефлекса «ятя» (с. 51)). В обзоре лингвистической литературы особое внимание уделяется работам П. Ивича, П. Скока, М. Томича (все трое склонялись к мнению о том, что у карашевского говора больше черт, общих с призренско-тимокскими сербскими говорами, нежели с косовско-ресавскими), а также В. Веску и М. Живковича. Отмечается тот факт, что Карашево вошло в сетку пунктов «Новой серии» Румынского лингвистического атласа, в то время как Клокотич — в Общеславянский лингвистический атлас. Характеризуется литература по карашевской ономастике (с. 52–54), а также по вопросам влияния румынского языка на этот говор (с. 54–56). Из этнографической литературы заслуживает упоминания описание Й. Живойновича (1907 г.).

В итоге автор ограничивается перечислением всех известных теорий о происхождении карашевцев (с. 62–63), которые для разных ученых являются:

- а) потомками первых славян, населявших Дакию (И. Попович, М. Радан, Й. Эрделянович);
- б) хорватами по происхождению (П. Влашич, С. Крпан);
- в) славяно-румынской смесью с албанским компонентом (Т. Симу, Г. Чирбуш) или румыно-славянской смесью (М. Томич);
- г) гетерогенной смесью балканских народов с хорошо очерченными специфическими чертами (В. Труфеску);
- д) особой этнической группой (П. Сырку);
- е) чехами по происхождению (С. Батазария);
- ж) сербами и хорватами по происхождению (С. Троянович, Й. Срзич, Э. Фемерджин);
- з) албанцами (Й. Шенткларай).

Аналогичным образом М. Радан поступает, подводя итог рассмотрению вопроса о времени появления карашевцев на их нынешней территории и вопроса о числе колонизаций этой области (с. 63).

3.

Центральное место в монографии занимает исследование фонетики и фонологии карашевских говоров (с. 64–210), которое открывается описанием системы транскрипции. Последняя повторяет с некоторыми упрощениями транскрипцию, использованную Э. Петровичем в его монографии 1935 г.

В настоящей рецензии используется транскрипция Общеславянского лингвистического атласа, которая отличается от принятой в работе М. Радана следующими чертами: у М. Радана ϵ , в рецензии — e , υ – α , dz – z , $d\check{z}$ – \check{z} , nj – \acute{n} , lj – l ; знак ударения в рецензии ставится перед ударным гласным.

Глава «Вокализм» дает прежде всего (с. 66–67) информацию об общекарашевских (и общесербохорватских рефлексах праславянских гласных * ы (> i : sin , dim ; $mi\check{s}$), * ѡ (> u : put , zup , $r'uka$, $pek'u$), * ѣ (> e : $knes$, $p'etak$, pet , $\check{z}et'$, $j'ezik$; с редкими случаями закрытого произношения этого рефлекса как e : $\check{c}'ekam$). Сразу же следует отметить, что автор не обходит своим вниманием и лексикализованные случаи, демонстрирующие отклоняющиеся от общей линии рефлексы (например, $z'ajac$, $\check{z}'alce$, $kuk'uruc$, $zav'i\check{z}e$, $pe\acute{n}'ava/p'\acute{e}nava$, $kor'ina/kup'ina$, $sun'ot'a$, $op'inak$ в разных разделах монографии).

Общими для всех карашевских говоров гласными (точнее сказать, слогообразующими фонемами) являются a , e (ϵ), e , i , o , u , \check{z} , l , описанию артикуляции и звучания которых автор посвящает стр. 67–114. Особое внимание уделено общей тенденции к более закрытому произношению гласных в неударенной позиции. Не всегда, однако, можно безоговорочно согласиться с предлагаемыми в книге интерпретациями. Так, описывая реализации гласного a , М. Радан приводит примеры факультативного более закрытого его произношения: $k'ora^am$, $tr'ava^a$, $p'ajva^an$, $n'esa^am$, $k'apa^a$, $'osa^am$ и др. (с. 68). Думается, однако, что во всех приведенных в данном разделе книги примерах с этим аллофоном речь скорее идет об артикуляторном воздействии на его произношение со стороны соседствующих лабиальных согласных m , v , p , нежели об акцентуационно обусловленном явлении; тем более что закрытое произношение редко и все приведенные лексемы могут произноситься и с незакрытым a (за исключением говора Ябалчи, где господствует именно закрытое

произношение), и тем более, что и сам автор ниже отмечает влияние лабиальных согласных на артикуляцию гласных (с. 126).

Любопытна также тенденция к факультативному дифтонгоидному произношению ударенного *o* (*k^uoń*, *d^uod'em*, *t^uornik*, *s^uol*), в то время как в безударной позиции отмечается нейтрализация *o* и *u* (феномен, более характерный для говоров Клокотича, Лупака, Нермета, Рафника и Водника и наименее ярко выраженный в говоре самого Карашево): *ov'ako^uov'ako/uv'ako*, *gor'un/gur'un*, *on'ej^uon'ej/un'ej*, *oznoj'en—uznoj'en*; ср. с произношением *voden'ica*, *se spot'aknem* и др. Поскольку эта нейтрализация не упомянута ни в монографии Э. Петровича (за исключением примера *'aku*), ни в исследованиях Л. Милетича и Й. Живойновича, автор полагает, что она возникла не так давно.

Обширный раздел монографии посвящен рефлексам праславянского **ě* — закрытому *e* и *i* (с. 71–78). В случае первой рефлексации, открытой впервые Э. Петровичем, в сербистике принято говорить о сохранении рефлексом «ятя» самостоятельного фонологического статуса (ср. в ударенной позиции: *b'eda*, *br'eme*, *br'ek*, *c'ed'ak*, *d'etel*, *gr'eška*, *m'era*, *r'eka*, *t'elo*, *vek*, *zapr'etim* и т.д.); следует признать терминологически неточным обозначение автором этого рефлекса как «экавского» («Ехсептând situațiile în care *e* este neaccentuat (*e* > *i*), reflexul lui *ě* în GC este de regula ekavian (*e*)“, с. 79). В безударной позиции отмечается нейтрализация *e* и *i* (*zvezd'ical/zvid'ica*, *bel'utak/bil'utak*, *p'osli*, *d'oli* и т.д.); при том, что целые ряды морфологических форм и некоторые лексемы произносятся обычно только с *e* (*petl'ovē*, *brez'ovka*, *sred'om*, *n'avēk*). Собственно икавский рефлекс под ударением отмечен, например, в случаях *pr'imina*, *pr'iko*, *sv'iika*, *prit* (в принципе, в том же круге лексем и форм, что и в «экавских» сербских говорах, например, в банатских). В целом, однако, для карашевских говоров характерна тенденция к сближению артикуляции *e*, *e* и *ε*.

Следующий раздел посвящен анализу рефлексов праславянских редуцированных и функционированию гласного неполного образования *ə* (с. 80–99). По первому параметру карашевские говоры подразделяются на три группы — а) говор Карашево и Ябалчи с рефлексом *a*; б) говоры Клокотича, Лупака, Нермета и Водника с сохранившимся *ə*; в) говор Рафника с рефлексом *ε* (автор часто пользуется обозначением *e*). К сожалению, М. Радан ограничился представлением лишь алфавитного списка примеров, не расклассифицированных по диахроническим параметрам (рефлексы слабых и сильных редуцированных в корне слова, рефлексы в приставках и суффиксах, вторичный редуцированный и др., не говоря уже о том, что в серб-

ской диалектологии вообще не принято рассматривать обособленно рефлексы редуцированного переднего и заднего ряда). В список попали и лексемы, не представляющие рефлексов собственно праславянских редуцированных (например, *č'ekə̌m*, *ləd'ina* „hladovina“, *'ožak*, *pə̌rəd'ajka*). Слово *v'əduvš*, если оно продолжает непосредственно праславянскую форму, а не вторично заимствовано в этом облике из румынского, является хорошим примером отсутствия вокализации инициальной группы *vь — в этих говорах (ср. с. 93).

Для говоров с особым гласным неполного образования *ə* (группа «б») релевантно его функционирование в зависимости от места ударения в слове — сохраняясь под ударением (*sən*, *dən*, *pə̌n*, *m'ə̌gla*, *t'ə̌šta*, *v'ə̌ši*), он нейтрализуется с чистым гласным *a* в неударенной позиции, что реализуется в виде большого числа сосуществующих произносительных вариантов одного и того же слова, колеблющихся между *ə*, *ə^a*, *a^a* и *a* (с. 86–88). Относительно наиболее стабильна реализация безударного *ə* в антропонимии (*pə̌'unac*, *tə̌j'uca*, *drə̌g'ija* и др.), хотя здесь в большом числе случаев можно сомневаться, что он продолжает праславянские редуцированные. Описывая функционирование [ə] в говорах Карашево, Ябалчи и Рафника, автор не проводит различия между сохранением в фонологической системе гласного неполного образования *ə* (*m'ə̌nan*) и его нейтрализацией в особых фонетических условиях с гласным *a* (*gra^ad'ina*). В Рафнике рефлекс редуцированных как под ударением, так и вне его обычно *ε*, с тем, что как в ударенных, так и в неударенных слогах и здесь может появляться *a* (*a^e*, *e^a*): *prod'a^enem*, *ze^al*, *d'iga^el*. Отмечавшийся Л. Милетичем «экавский» рефлекс редуцированных в карашевском квартале Курьячица М. Раданом уже не был зафиксирован (за исключением единичных лексем, например, *lež'iv*, *tə̌mn'ica*); ср. там же лексему *tə̌n'ir*.

С. 92–93 посвящены фонетическому оформлению иноязычных заимствований, содержащих гласный или гласные неполного образования (прежде всего рум. *ă*, *î* (*â*)).

Разнообразие рефлексов редуцированных и их сопоставление с данными основного массива сербохорватских диалектов дает автору возможность высказать предположения о вероятных источниках миграций карашевского населения и о времени этих миграций, чтобы повторить свой тезис о том, что карашевский говор в одной своей части продолжает говор старого славянского населения Дакии (7 в.), а в другой представляет собой смешение говоров сербохорватского населения, в разные эпохи и из разных мест прибывшего в эту область и здесь смешавшегося с румунским этническим элементом;

автор отмечает также присутствие болгарского, македонского и албанского элемента в карашевском этногенезе (с. 97). Этот тезис в первой своей части остается, по моему мнению, пока еще недостаточно обоснованным; представляется, что его подтверждение или опровержение может быть получено после исчерпывающего анализа лексики карашевского говора на общеславянском и карпатобалканском фоне, начало которому М. Радан положил в одной из своих статей.

Слогообразующее \dot{l} , сохранившееся в вокалической системе карашевских говоров (с. 99–110), является одним из самых заметных их архаизмов и показателей, позволяющих уточнить время и источник миграции их носителей. Фонетические реализации его варьируют (в том числе и в одном и том же слове, что наиболее ярко выражено в говоре самого Карашево) от \dot{l} через $\dot{a}l$, $\dot{a}l$ до $\dot{a}l$, с тем, что на его месте возможно и u : $k^{\dot{a}l}k$ / u $k^{\dot{l}}ku$ / $k^{\dot{a}l}k$, $po\dot{m}'lza\dot{l}/m^{\dot{a}l}z'u$, $d^{\dot{a}l}bok/d^{\dot{u}b}ok$ и др. Чистое вокалическое \dot{l} (подобное тимокскому) встречается чаще всего в Карашево, Нермете и Рафнике, в то время как в остальных селах в большинстве случаев слышится $\dot{a}l$ и $\dot{a}l$. К двум примерам Э. Петровича — $d^{\dot{u}zan}$ и $b^{\dot{u}gar}$ — автор добавляет третий случай отражения \dot{l} как u : $duga\dot{l}'ija$. Исходя из неточного утверждения об отсутствии среди южнославянских говоров, которые могли бы быть миграционным источником для карашевского, говоров с рефлексом $\dot{a}l$ («în nici un grai bulgăresc, macedonean sau sârbesc din care s-ar fi putut desprinde GC în trecut, sau cu care ar fi putut să fi fost în contact, aceste grupuri nu au evolat în $\dot{a}l$ ($\dot{a}l$, $\dot{a}l$, $\dot{a}l$) с. 104), М. Радан трактует соответствующий карашевский рефлекс как еще одно доказательство генетической связи карашевского с говорами дакийских славян 7 в. Поскольку, по его мнению, в тех южнославянских говорах, которым известно $\dot{a}l$, оно возникло под влиянием романского субстрата, то и для карашевского нужно предполагать такой субстрат (в конкретном случае, конечно, румынский). Как представляется, для окончательного решения данного вопроса над привлечь новые данные сербской диалектологии, говорящие о наличии рефлекса $\dot{a}l$ по крайней мере в Пиротском регионе в восточной Сербии ([Sobolev 1998; Ђирић 1999]). Кроме того, необходимо учитывать и тот общетипологический факт, что в языках, имеющих в своих фонологических системах гласный неполного образования типа \dot{a} , реализация чистого слогообразующего (\dot{l} или \dot{r}) либо вообще невозможна, либо альтернирует с реализациями $\dot{a}l$, $\dot{a}l$, $\dot{a}r$, $\dot{a}r$, причем очень многое зависит и от особенностей личной перцепции исследователя (ср. в этом смысле утверждение М. Томича о наличии в карашевских

говорах только *al*, против чего М. Радан решительно дважды возражает (с. 104, сноска 5; с. 207).

На с. 108–110 приведены примеры фонетических реализаций слогаобразующего *ɾ* как *ɾ*, *ʔɾ*, *əɾ*, *ər*: *b'ərva/b'ərva*, *kɾst/kəɾst/kəɾst* и др. Тенденция к девокализации *ɾ* наиболее слаба в говорах Карашево, Нермета и Рафника, ярко выражена в Лупаке, Воднике и Клокотиче, в то время как в Ябалче примеры с *ɾ* могут встретиться только случайно. Формы с *ər* автор трактует как более архаичные, указывающие на говор дакийских славян; в селах с таким рефлексом жителей-автохтонов, возможно, было больше, чем новых переселенцев. Наоборот, чистое вокалическое *ɾ* должно указывать на большую примесь вновь прибывшего сербского населения (с. 113).

Среди частных следует заметить, что из случаев «полной консонантизации» *ɾ* надо исключить пример *dr'evə*; любопытна также форма действительного причастия прошедшего времени без финального *l* — *'umər*.

В итоге М. Радан представляет две различные фонологические системы вокализма, имеющиеся в карашевских говорах, — а) систему говора Карашево (а также Ябалчи и Рафника) и б) систему говоров Лупака, Клокотича, Нермета и Водника (для этих говоров даны почему-то две схемы — в первую по непонятным причинам включены аллофоны *ə*, *əʔ*, *aʔ*, в то время как вторая обходится без них; кроме того, вместо знака *e* ожидался бы *ɛ*):

а)	<i>i</i>	<i>u</i>	б)	<i>i</i>	<i>u</i>
	<i>ɛ</i>			<i>ɛ</i>	<i>ə</i>
	<i>e</i>	<i>o</i>		<i>e</i>	<i>o</i>
	<i>a</i>			<i>a</i>	

Обе системы, но в особенности вторая, отражают сербохорватское языковое состояние до начала инновационных процессов 14 века.

Отдельным фонетическим процессам и явлениям (элизия, контракция, афереза, синкопа, апокопа и др.) посвящены стр. 115–127. Из них следует выделить примеры нейтрализации гласных *a* и *e* в положении после палатальных (альвеопалатальных) согласных: *č'ěš'el*, *jeŋi'ar*, *jes'en*, *jer'uga*, *pr'ijetel* и др., напоминающие подобные процессы в болгарских говорах.

Система карашевского консонантизма, которая, в отличие от системы вокализма, едина для всех карашевских говоров, содержит 26 единиц (с. 127):

	<i>v</i>	<i>j</i>							
	<i>m</i>	<i>n</i>	<i>ń</i>						
Сонанты		<i>l</i>	<i>ḷ</i>	<i>r</i>					
Смычные	<i>k</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>t'</i>	<i>č'</i>	<i>c</i>			
	<i>g</i>	<i>b</i>	<i>d</i>	<i>d'</i>	<i>ž'</i>	<i>z</i>			
					<i>š</i>	<i>s</i>	<i>f</i>	<i>h</i>	
					<i>ž</i>	<i>z</i>			

На общесербохорватском фоне примечательно наличие в этой системе аффрикаты *z*.

Далее в монографии рассматриваются аллофоны каждой из данных фонологических единиц, а также основные правила их дистрибуции, часто представленные в диахронической перспективе. Так, для сонанта *v* (с. 128–130) факультативно отмечается не лабиодентальная, а лабиальная артикуляция [*μ*]: *d'evka/d'εuka*, *prošt''a-vaj/prošt''auaj*; артикуляция первого типа встречается, по всей видимости, прежде всего в консонантных группах. Отмечается, в частности, что *v* в ряде примеров субституирует интервокальное *h* (*d'uvove/d'υove*, *gl'uva/gl'υua*, *se p'uva / se p'υua* и др.), что группы *vl-*, *-vn-*, *-vl-* (за исключением форм страдательного причастия типа *nab'aven*, ср. *nabavla*) и *-tvṛt-* сохраняются, что в славянских лексемах типа *p'auk* вторичное *-v-* не появляется и т.д.

Также и фонема *j* (с. 130–133) реализуется как неслоговое [*i*], не утрачиваясь в начале, середине и на конце слова (*jem*, *jet'ɣva*; *č'ek'aj*, *grej*), за исключением позиции *-ij* (*izb'i ga*, *pi*, *pokr'i*, *um'i se*; *pop'ite*, *ub'ite*; ср., однако, также *pol'ete*). Показательно, что в интервокальной позиции *j*, несмотря на несколько ослабленную артикуляцию, тем не менее не утрачивается полностью (*ble'i*, *bo'i se*, *mlad''eji* и т.д.). И в этом случае было бы желательно видеть имеющийся диалектологический материал расклассифицированным на группы в зависимости от вокалического окружения сонанта *j*. Важно отметить, что *j* в говоре часто субституирует *h* (*k'ujna*, *l'ēja*, *mij'ur*, *mivold'an*, *smej*, *str'ēja*, *sn'aja*, *t'ijo*); этот признак также может быть использован для установления междиалектных связей карашевских говоров с южнославянским массивом. Антиципация отмечена лишь в примере *cv'ejt'ε*.

Для сонанта *l* (с. 133–136) в ряде лексем отмечена велярная реализация [*ḷ*]; важно отсутствие вокализации этого сонанта в конечнослоговой позиции как в исконной лексике, так и в заимствованиях (*deb'el*, *dol*, *kal*, *sam kup'il*, *p'etal*; *'and'el* и др.).

Сонанты *ḷ*, *n*, *ń* рассмотрены на с. 136–138.

Лабiodенталноне *f* (с. 139–142) хоршо докyментирyетсја примерами займствований из рyмынскогo, немецкогo, тyрецкогo и др. јзыков, в ономатопeях (*f'it'kam*), в ономастиконе (*farb'ar, f'indrik, fr'ana, fr'ica*); тем большее значение имеют примеры его субституции смьчным *p* (*j'osip, pas'uń, st'epan, puј*) или сонантом *v* (*k'aves* надо *k'aves*). Важно также наличие отмеченной еще Э. Петровичем тенденции к нейтрализации оппозиции по глухости–звонкости в конце слова и реализации финального *v* как *v'* (*t'orav', kr'v'*).

В раздел о *f* (с. 141–142) попала информация о возможности субституции финального *h* в конце слова оглушенным *v'* (*v'v'/ v'v, gluv', prav'/praf, mav'/maf, p'osmiv', pl'v/p'v'v'*) и о судьбе группы *hv-* > *v/f*.

Традиционно для сербохорватской диалектологии особое внимание к судьбе заднеязычного *h*, которому М. Радан посвящает с. 142–150. Отметив возможность ослабления артикуляции *h* в начале слова, автор приводит как примеры полной его утраты (*ab'ar, 'ajduk/h'ajduk, lat, lad'ina, l'adno, 'iza, 'odi, r'akam, tel* и др.), так и примеры его сохранения (*han, hekt'ar, h'ajda, hi'ada, h'ot'e, h'ala*). В середине слова *h* утрачен во всех позициях (*d'odi, d'unem, g'orna m'ala, stra'ota* и др.) или субституирован *j* или *v* (*prod'ijam, grij'ota, se k'ija; duvanž'ija, gl'uvul, sod'uvam*; ошибочно включено сюда *se sm'eјem*). В финале слова *h* может быть либо субституирован (*greј, kož'uj, mav', suv'*), либо утрачен (*'ori, n'ejni* ген. sg., *gra:, ma:, stra, 'odo, sir'oma, vet, vla*). Во всех позициях в качестве субститута может выступать *k* (*antikr'ist, f'irtik, gr'unpuk, k'omat/k'omot, kožuk'ar, je krak'iral, krist, p'azuka, pikt'ije, plek* и др.). Интересны единичные формы *'oc'ul, past'ur*. Можно согласиться с автором в его общем выводе о том, что фонема *h* укрепляется в системе карашевских говоров под румынским и литературноязыковым сербохорватским влиянием.

Фонема *z* (с. 150–153) встречается в карашевских говорах как в собственно славянских лексемах (*z'ebet*, надо *z'ebet, z'enka, z'iri, zvizd'ica, zv'onci, oz'eb'el* и др.), так и в заимствованиях (*b'uza, z'ara, sp'uza*); она хорошо представлена также в ономастике и топонимии. Ее дистрибуция в карашевских говорах, в представлении М. Радана, соответствует правилам, установленным для сербохорватских и македонских диалектов Д. Брозовичем и, по моему мнению, может рассматриваться как свидетельство о функционировании этой единицы в качестве аллофона *z*. К сожалению, в монографии отсутствуют сведения о наличии или отсутствии таких архаичных форм, как *polog-polozi* (ср. закономерное *r'ogos-rog'ozi*, с. 195), характерных

для ряда говоров восточной Сербии, западной Болгарии и Македонии [Соболев 1994], что позволило бы уточнить ареальные связи наших говоров и подтвердить тезис автора о континуированном существовании этой фонологической единицы в карашевском с позднеславянского периода («Credem că procesul $ʒ > z$ n-a existat în graiul slavilor autohtoni din Valea Carașului»; «... africata sonoră $ʒ$ din GC continuă pe $ʒ$ din sârbocroata comună și reprezintă încă un arhaizm fonetic conservat în aceste graiuri», с. 152, 153; вопреки примерам *oz'ŕnem, zit, zid'ar*, которые автор объясняет влиянием речи относительно новых переселенцев с сербской языковой территории).

Аффрикаты *č', ʒ'* рассматриваются на с. 153–156, взрывные *t', d'* (аутентичная карашевская артикуляция которых отражает старое общесербохорватское состояние, ср.: *sv'et'a, m'eda; not', n'at've; br'at'a, l'is't'e, gr'ožd'e, l'ud'e, tr'et'i, vid'ene; p'od'eš, d'od'em, pr'ot'i*; в настоящее время у молодого поколения отмечается тенденция к произношению среднеязычных аффрикат *č, ʒ* и даже к смешению двух рядов аффрикат — *cv'ec'e, kr'aža*) — на с. 156–160. Характер артикуляции *t', d'* служит М. Радану еще одним аргументом в пользу утверждения о генетической связи говора карашевцев с языком дакийских славян. Следует особо отметить пример *g'ušt'er/g'ušč'er* с отсутствием восточноштокавского перехода *-stj- > -št-*, к которому я еще вернусь ниже.

Одной из наиболее заметных особенностей карашевских говоров является сохранение инициальной группы *č'ŕ-* (*č'ŕpet, č'arn, č'ŕvl'iv*) или развитие таких форм, как *č'erven'ilo, č'er'eš'na* (с. 160–161), что, по мнению автора, с одной стороны, снова указывает на язык дакийских славян, а с другой стороны, на неоконченность перехода *č'ŕ- > cr-* в тех сербских говорах, носители которых мигрировали в Карашево, к моменту миграции.

Из исторических процессов йотаций, рассмотренных на с. 161–170, задержимся на судьбе консонантных групп *-stj-, -zdi-*. Рефлексом первой группы является преимущественно *-št-* (*kl'ešti, prišt, štap, pišt'im; ogn'ište* и др.; следует исключить пример *št'ala*), «с исключением нескольких примеров, в которых мы имеем более старое *-št'-*» (*nam'ešt'am, opr'ašt'am, navešt'ujem, pušt'am, k'ŕšt'en* и др.); рефлекс *-zdi-* только *-žd-* (с. 165). Далее М. Радан трактует рефлекс *-št'-* не как сохранение архаичного состояния, а как новообразование, что приводит его к трудностям в интерпретации изолированной формы *g'ušt'er* (которую очевидно невозможно трактовать иначе, нежели как сохранившийся архаизм (с. 168). Автор отказывается от возможности приписать и эту черту языку дакийских славян,

по всей видимости, лишь потому, что она указывает не на восточную сербохорватскую штокавщину (с которой М. Радан связывает карашевский говор), а на западную.

Так называемая «новоштокавская йотация» осуществлена в говоре со всей последовательностью (с. 169–170): *kam'eńe*, *ves'ełe*, *gr'ožd'e*, *pr'ut'e*, *kon'opl'e*, *s'rbłe*, *zdr'avłe*; *křv'om*; *tr'et'i*.

Напротив, в отражении результатов общеславянских палатализаций карашевские говоры представляют целый ряд особенностей (с. 171–173). Большинство глаголов с основой инфинитива на заднеязычный соглансый имеют в 3 л. мн. ч. наст. вр. две формы (*pek'u/peč'u*, *žežu*), а в императиве формы типа *peč'i* (в тексте без места акцента), *str'iži*, что, разумеется, в обоих случаях отражает позднейшее аналогическое обобщение, а не является «*excerptii de la legile palatizării*». То же можно сказать и о формах датива и локатива ед.ч. имен существительных ж.р. *a*-склонения с основой на заднеязычный: *r'uki*, *na r'uki*, *n'ogi*, *u n'ogi*, *u sl'ogi* и т.д. М. Радан полагает, что здесь «*palatizărea nu s-a produs*».

Подробному рассмотрению судьбы консонантных сочетаний автор посвящает стр. 173–194.

Нейтрализация консонантной оппозиции глухость–звонкость в конце слова документирована незначительным количеством примеров на с. 195–196: *grop*, *prak*, *plot*, *n'ermi't'* (gen. *iz n'ermid'a*), *kuk'uruc* (gen. *kukur'uz'a*) и др.

Отдельная глава посвящена вопросам румынского влияния на фонетику карашевских говоров, в частности, тенденции к частичной девокализации слогаобразующих сонантов, сохранению гласного неполного образования в части говоров, сохранению аффрикаты *ʒ*, тенденции к нейтрализации противопоставления двух рядов аффрикат, стабилизации *h* в фонологической системе или его субституции как в румынском. При этом часто повторяются уже высказанные в соответствующих разделах фонетики аргументы (с. 204–210).

4.

Содержание последнего текстового раздела книги несколько шире того, которое бы подразумевалось заглавием «Заключение» (с. 211–223). Исходя из господствующего в науке мнения о сербском происхождении карашевцев, М. Радан концентрирует свое внимание на все еще открытых вопросах атрибуции карашевского говора одной из сербских диалектных групп и на проблеме локализации области, из которой эмигрировали предки современных карашевцев. Эти вопросы не были решены предшествующими исследователями, а)

поскольку к исследованию привлекался лишь материал говора самого Карашево; б) поскольку часть черт говора совпадает с признаками тимокско-лужницких, а часть с признаками косовско-ресавских сербских говоров; в) поскольку недостаточно использовался междисциплинарный подход и сведения политического, религиозного, исторического и географического порядка. Обсуждая вопрос лингво- и этногенеза карашевцев, М. Радан привлекает данные карашевской морфологии, синтаксиса и лексики, не обсуждавшиеся в его монографии, но известные из предшествующих публикаций.

Большинство черт карашевских говоров совпадает с признаками западноюжнославянских говоров, расположенных к западу от линии Белоградчик–Берковица–Брезник–Радомир–Кюстендил (с. 212): а) в фонетике: $*\rho > u$, $*\varphi > e$, $*b = *b > a$, $*vb- > u-$, $*-sti- > -št-$ (следует добавить, «в большинстве примеров»), $*-zdi- > -žd-$, l-epentheticum, $*vbs- > sv-$, ζ , сохранение инициального и интервокального j , субституция $h > v/j$;

б) в морфологии: мужской род существительных типа *loj, var, p'epel, sol*; флексия *-e* во мн.ч. существительных ж.р. типа *ž'ene*; система личных и указательных местоимений, глагольная система и т.д.;

в) в лексике: *b'ugar, duk, d'užan, tud', jem, kat*, суффиксы *-it'* (*k'čstit'*), *-ot'a* (*čist'ot'a*), *-ača* (*debel'ač'a*).

Большое число важных изоглос связывает карашевские и косовско-ресавские говоры (с. 213):

а) в фонетике: $*t' > t'$, $*d' > d'$ (в косовско-ресавском \acute{c} , \acute{z}); $*a > a$ в говоре Карашево и Ябалчи; $*-it- > -t'-$, $*-id- > -d'-$; новые йотации; фонема \acute{z} (которая имеется и в призренско-тимокских говорах); отсутствие йотаций в группах *-jk-*, *-lk*; тенденция к утрате финального j ; $sc > c$, $\acute{s}\acute{c} > \acute{c}$; *s'amne*; элизии типа *d-idem* и др.;

б) в морфологии: сохранение именной флексии; рефлекс «ятя» в местоименном и адъективном склонении типа *s on'em, s lep'em; ov'em lud'am*; флексия *-e* в 3 л. мн.ч. спряжения типа *n'ose, v'oze*; форма презенса *k'ovem*; аналитическое образование форм компаратива в ряде косовско-ресавских говоров; отсутствие собирательных существительных на *-ad*; удвоение личных местоимений; экавский рефлекс «ятя»; остатки инфинитива и аориста (с флексией *-smo*);

в) в лексике: *stalba, bla'goslov, tal, f'ilka, ard'ov, art'ija, izr'anim, prošt'avajte, vet, nak'ovala, č'ut'ura, ž'iri, sl'avla, 'uglen, zdr'aka*.

Ряд черт совпадает с признаками юго-восточных сербских диалектов, в особенности тимокского типа (с. 214):

а) в фонетике: сохранение *!*; *kor'ina*; тенденция к сужению артикуляции безударного *o*; сохранение группы *sl-*; сохранение гласного неполного образования в ряде говоров; сохранение финальнослового *-l*;

б) употребление постпозитивного артикля при прилагательных (*b'alan, dobr'ejan*); аналитическое образование форм компаратива; формы компаратива глаголов; твердый тип местоименной флексии в формах *n'ašo s'elo*; удвоение форм личных местоимений; замещение инфинитива *da*-конструкцией; образование форм будущего времени по модели *l'am + da + презенс*;

в) в лексике: *p'aškav, l'aska, dən'om, m'art'avac, p'č, jedin'ajst, cv'et'e, kl'aka, popr'ika*; деминутивный суффикс *-ič'ka*; глагольные формы типа *kup'ujem, kupuv'ala*.

Небольшое число признаков совпадает с особенностями болгарских говоров: оглушение звонких согласных на конце слова; *op'inak; č"etam; č'ε* (изъяснительный союз) и др. Сохранение группы *č'ž-*, аналитическую компарацию (особенно на фоне сохранения остатков компарации синтетической) и лексему *kupuv'ala* М. Радан исключает из списка болгаризмов.

Параллели между карашевскими и сербскими банатскими говорами, и в первую очередь икавизмы, перечислены на с. 218–219.

Наконец, можно вычленить признаки, свойственные исключительно карашевским говорам, которые могут указывать на архаические южнославянские говоры сербского (штокавского) типа (с. 215):

а) в фонетике: $*\check{e} > \epsilon$; $*\check{a} > \epsilon$ в говоре Рафника; сохранение *э, !, -l, t', d', ž, č'ž-, sl-, -st-*;

б) в морфологии: флексии *-ove/-eve* и *-e* в номинативе мн.ч. существительных м. и ср.р. (так в автора!) (*s'atove, ruč'k'εve; cig'ańε, varoš'ańε*); архаичная нулевая флексия генитива мн.ч. (*rod'ov, koń, kr'avf*); архаичная флексия инструментала мн.ч. существительных м. и ср.р. (*t'žni, k'ońi, s'eli*); флексии мн.ч. существительных ж.р. (генитив *d'aska, č"elka*; датив *kok'oškam, n'arkam*; инструментал *s'ofram*; локатив *r'uka, š't'ala*); старые окончания прилагательных во мн.ч.; энклитические формы местоимений; следы двойственного числа в конструкциях с числительными; глагол *lam*; некоторые формы императива;

в) в лексике: *ban'im, b'žna, bl'udo, grad'ina, kl'ešti, nev'εsta, p'o:la, slap, d'anac, dl'ańa, d'uret', č'l'ovik, čok'an, g'ušt'er* и др.

В самом общем плане следует указать на то, что в предпринятой систематизации в ряде случаев одни и те же признаки используются

для атрибуции карашевских говоров то одной, то другой диалектной группе (обычно когда обе группы характеризуются одинаковыми признаками). Кроме того, обращение к новейшим лингвогеографическим работам по южнославянской диалектологии (и прежде всего [Sobolev 1998]) позволило бы в ряде случаев существенно уточнить атрибуцию того или иного признака той или иной группе диалектов (например, флексии *-ove/-eve* и *-e* в номинативе мн.ч. существительных м.р. (*s'atove*; *cig'ańe*, *varoš'ańe*) характеризуют целый ряд говоров восточной Сербии и западной Болгарии).

В результате анализа автор приходит к выводам о том, что карашевские говоры «развились из архаического говора, на котором говорили славяне бассейна Караша, составлявшие древнейший славянский страт в Банате» (с. 219), в 14 — начале 15 в. к ним присоединяются «иммигранты, ... происходящие из зоны косовско-ресавского диалекта, находившейся в непосредственном соседстве с говорами, которые принадлежали диалектам юго-восточной Сербии или из обеих областей» (с. 218), среди которых можно допустить и наличие собственно восточносербского и болгарского элемента. Признаки, связывающие карашевские говоры с косовско-ресавскими, М. Радан считает наиболее многочисленными и важными, хотя и признает тот факт, что «фонетические черты сближают карашевские говоры с юго-восточными, в то время как морфологические — с косовско-ресавскими» говорами (с. 220). В то же время, автор справедливо отказывается признавать за общими архаизмами доказательство ближайшего языкового родства.

Наименее доказан выдвигаемый на многих местах в монографии тезис о прямом лингвоисторическом континуитете на карашевской территории от дакийских славян 7 в. до наших дней. Действительно, мы не обнаруживаем в говоре фонетических признаков древнейшего типа (южно)славянской речи, таких как сохранение двух гласных неполного образования, носовых или гласного **ы* (или хотя бы их рефлексов, отличных от западноюжнославянских, например, открытого рефлекса «ятя»); кстати, в морфологии мы располагаем как минимум одним признаком, позволяющим связать карашевский говор с севернославянской территорией, а именно окончанием инструмента ед.ч. существительных м.р. *-am* (< *am*). Наряду с тезисом М. Радана равновероятным было бы и допущение колонизации карашевской области носителями штокавских сербохорватских говоров к югу от Дуная в любой из периодов с 7-го по 12 век (в том числе и необязательно восточноштокавских). Отмечу особо, что материал карашевских говоров остро ставит вопрос об имплицации

языковых изменений и сосуществовании в одной языковой системе как бы противоречащих друг другу архаизмов и инноваций (например, сохранение группы *с'г-*, с одной стороны, и последовательное осуществление новых йотаций, с другой).

Автор полагает, что новые иммигранты были католического вероисповедания, что, по его мнению, хорошо согласуется с фактом существования в 14 веке католических оазисов на территории Старой Сербии (с. 222).

Еще один вал колонизации карашевской области имел место в первой половине 18 века, когда здесь появились представители различных этносов (болгары, сербы, в небольшом количестве, возможно, и албанцы), которые не оказали существенного влияния ни на язык, ни на этнические признаки карашевцев; свой вклад в этногенез карашевцев внесли и румыны (с. 222).

5.

Таким образом, монография сербского ученого из Румынии представляет собой высокопрофессиональную диалектологическую работу, которая обогащает славистику обильным и аутентичным диалектным и интересным историческим материалом и ставит вопрос о лингво- и этногенезе карашевцев на новом, соответствующем современной науке уровне. В связи с этим последним вопросом необходимо все же заметить, что для его решения в рамках сравнительно-исторической лингвистики очевидно недостаточно сведений, предоставляемых южнославянской диалектологией (тем более в условиях отсутствия Сербохорватского диалектологического атласа). Лишь преодоление методологических ограничений, с неизбежностью накладываемых на историко-диалектологическое исследование, обращаясь к ранним периодам формирования языковой карты славянства, и расширение изысканий в общеславянском и карпато-балканском контексте с привлечением материалов Общеславянского лингвистического атласа (кстати, ни сам атлас, ни основывающееся на его данных издание «Фонолошки описи словеначких, српскохрватских/хрваткосрпских и македонских говора», Сараево, 1981, не были использованы автором в его работе), а также концентрация внимания на лексических связях карашевских говоров с инославянскими и неславянскими балканскими языками, поможет детальному описанию и окончательному определению вклада каждой из славянских и балканских языковых и этнических групп в формирование говоров этого уникального субэтноса.

Как отмечено в предисловии к книге, в будущем автор планирует дать описание морфосинтаксиса, лексики, ономастики и словообразования этих говоров. Будем надеяться, что М. Радан в ближайшем будущем прежде всего обогатит южную славистику публикацией полного карашевского словаря и ономастикона, учитывающего локальные диалектные различия между отдельными карашевскими населенными пунктами.

В приложении к книге даны карашевские диалектные тексты (из Карашево, Клокотича, Водника, Нермита; к сожалению, нет текстов из Рафника, которые были бы интересны как раз из-за особого рефлекса редуцированных; тематически представлены народные праздники *sl'aveñe, faš'añke/pokl'ade*, с. 224–233), далее следуют французское (с. 234–240) и сербское (с. 241–246) резюме, указатель авторов (с. 247–250), указатель топонимов (с. 251–255), диалектный словоуказатель (с. 256–301), библиография (с. 302–322), а замыкают книгу список сокращений (с. 323–324) и указатель содержания (с. 325–326). Следует особо отметить, что книга выполнена издательством «Союза сербов Румынии» очень тщательно и на высоком полиграфическом уровне.

ЛИТЕРАТУРА

- Petrovici, Emil.* Graiul carașovenilor. Studii de dialectologie slavă meridională. București, 1935.
- Sobolev, Andrej.* Sprachatlas Ostserbiens und Westbulgariens. Bde. I–III. Marburg: Biblion Verlag, 1998.
- Zach, Krista.* Die bosnische Franziskanermission des 17. Jahrhunderts im südöstlichen Niederrhein // *Studia hungarica* 13. München: Trofenik, 1979.
- Младенов, Максим Сл.* Българските говори в Румъния. София: БАН, 1993.
- Соболев, Андрей.* О фонеме *з* в говорах юго-восточной Сербии // University of Niš. Facta universitatis. Series linguistics and literature. Vol. 1, Nr. 1. Niš, 1994. С. 33–40.
- Соболев, Андрей.* О неким јужнословенским говорним оазама у источној Србији, западној Бугарској и Румунији (Вратарница, Ново село, Свиница) // Зборник Матице српске за филологију и лингвистику. Књ. XXXVIII/2. Нови Сад, 1995. С. 183–207.
- Сырку П. А.* Наречие Карашевцев // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. Т. 4. С.-Петербург, 189. С. 641–660.
- Ђирић, Јован.* Говори Понишавља // Српски дијалектолошки зборник. Књ. XLVI. Београд 1999. С. 7–262.

Марбург

А. Н. Соболев